

Развитая вариантность компонентов изучаемых фразеологических единиц и тенденция к развитию второго значения ФЕ свидетельствуют в пользу их невысокого уровня абстракции [Fedulenkova 2009: 45].

В результате предпринятого структурного анализа глагольных ФЕ с компонентом *come* имеем возможность утверждать, что наиболее распространенными моделями в современном английском языке являются следующие модели описания: V + Prep + N; V + Prep + d + N; V + Prep + θ's + N.

Все рассмотренные модели включают, помимо функционально основного глагольного компонента, вводимый предлогом субстантивный компонент, который может определяться или не определяться детерминантом. По сути своей все эти модели являются малокомпонентными [Кунин 1970: 59], что обеспечивает им высокую частотность в дискурсе.

Источники и литература:

1. Кунин А. В. Английская фразеология: Теоретический курс / А. В. Кунин. – М. : Высш. шк., 1970. – 344 с.
2. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин; лит. ред. М. Д. Литвинова. – М. : Рус. яз., 1984. – 944 с.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – 3-е изд., перераб. – М., Дубна : Высш. шк.; Изд. Центр «Феникс», 1996. – 381 с.
4. Сидякова Н. М. О вкладе В. Д. Аракина в изучение фразеологии / Н. М. Сидякова // Актуальные проблемы семантики, лингвистической типологии и лингводидактики. – М. : МПГУ, 1998. – С. 135-136.
5. Федуленкова Т. Н. Изоморфные и алломорфные отношения английской, немецкой и шведской фразеологии : монография / Т. Н. Федуленкова. – Архангельск : Поморский гос. ун-т, 2004. – 158 с.
6. Федуленкова Т. Н. Одномерные и двумерные модели в английской, немецкой и шведской фразеологии : монография / Т. Н. Федуленкова. – Архангельск : Поморский гос. ун-т, 2006. – 196 с.
7. Федуленкова Т. Н. Фразеологическая вариантность как лингвистическая проблема / Т. Н. Федуленкова // Вестник Оренбургского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – Оренбург, 2005. – № 4 (42). – С. 62-69.
8. Федуленкова Т. Н. Фразеологический вариант в межкультурной компетенции (на материале английского, немецкого и шведского языков) / Т. Н. Федуленкова // Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (6-7 апреля 2011 г.). – Курск, 2011.
9. Fedulenkova T. Phraseological Abstraction / T. Fedulenkova // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: ESSE-9, Aarhus, 22-26 August 2008 / T. Fedulenkova (ed.). – Arkhangelsk : Aarhus, 2009. – P. 42-54.

Рассоха И.Н.

УДК 81-115:811.432.2

О НОСТРАТИЧЕСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ МАНДЕ

1. Введение. Афро-ностратическая гипотеза и языки манде.

Идея данной работы возникла в ходе моей предыдущей работы – сравнения 100-словных списков базовой лексики (по Сводешу) 85 языков мира с соответствующими им по значению 100-понятийными списками слов самых глубоких среди более-менее достоверных пра-языковых реконструкций – ностратической и сино-кавказской [1]. У ностратических языков доля слов 100-словного списка, близких по звучанию к словам соответствующего реконструированного языка, была значительно выше, чем у прочих и безусловно намного выше "уровня шума" случайных совпадений.

По описанному выше методу было исследовано 13 “конго-кордофанских” языков из разных языковых семей. Если языки банту, йоруба, ква и иджо дали процент совпадений с ностратическими реконструкциями почти на уровне случайных совпадений, то *языки кру, гур, сенуфо, адамава-убанги, атлантические и манде показали результат, полностью соответствующий результатам ностратических языков* [1, с. 139 – 141].

Географически пять групп этих предположительно ностратических африканских языков (мы будем их условно называть **афро-ностратической языковой макросемьей**) – манде, кру, гур, сенуфо и западно-атлантическая – представляют собой компактный массив на юго-западе Западной Африки, граница которого проходит через Кот-д-Ивуар. Переселение далее на восток народов фульбе и буса произошло уже в позднее время. Языки группы адамава-убанги также занимают компактную территорию в пределах Центрально-Африканской республики и прилегающих районов Заира, Судана и Камеруна. С теми и другими граничит огромный массив семьи языков бенуэ-конго или, иначе, “южная группа семей вольта-конго”, которую, по нашему мнению, только и следует называть (вероятно, вместе с ква и, может быть, иджо) *языковой семьей вольта-конго*, с народами банту в качестве самых типичных представителей.

Этот *раздел Западной Африки на два принципиально разных языковых региона полностью совпадает с таким же культурным разделом*, проходящим через Кот-д-Ивуар: “Те, кто искал в лесу убежища от северных завоевателей, обосновались к западу от реки Бандама (южные манде, племена кру), а отступавшие с востока – к востоку от нее. Бандама, таким образом, разделила миграционные потоки и стала важной этнической границей. ...Граница между территориями, где распространены культуры ямса и риса

(по р. Бандама), делит не только Кот-д-Ивуар, но и всю Западную Африку на две зоны земледелия, отражающие различные этноисторические влияния” [2, с. 100, 102].

По нашему мнению, разведение риса пришло в районах с влажным экваториальным климатом на смену разведению *проса* в более северных засушливых районах Сахеля, откуда пришли предки афро-ностратических народов. Помимо выращивания проса “визитной карточкой” ностратических народов было разведение одомашненного еще в эпоху мезолита крупного рогатого скота [1, с. 148]. О том, что подобное население, первоначально европеоидное по антропологическому типу, проникло в Тропическую Африку в конце эпохи неолита, наглядно свидетельствуют знаменитые *сахарские фрески* “скотоводческого периода” в горах Тассили-Анджер [3, с. 79].

Помимо культурологических и археологических аргументов в пользу возможного ностратического, евразийского происхождения “афро-ностратических” языков имеются и аргументы генетические: “Некоторые линии, восходящие от гаплогруппы F, по всей видимости, мигрировали обратно в Африку с родины в Юго-Западной Азии ещё в доисторическое время. Возможно, в этом гипотетическом переселении приняли в разное время участие представители гаплогрупп J, R1b и T” [4]. Иными словами, разные народы и в разное время переселялись в Африку из Евразии. И говорили они при этом на *евразийских* языках.

С другой стороны, “австрическая, америндская, австралийская, койсанская, нило-сахарская, конго-кордофанская и индо-тихоокеанская макросемьи – **сугубо гипотетические объединения**; ни для одной из этих семей пока не было предложено регулярных соответствий и реконструкций, так что их число и состав вполне могут быть в будущем пересмотрены” [5, с. 334].

О системе именных классов как самом характерном объединяющем признаке конго-кордофанских языков говорится в Википедии: “Нигеро-конголезские (нигеро-кордофанские, конго-кордофанские) языки представляют собой гипотетическую макросемью, объединяющую большую часть языков Африки от Сенегала до ЮАР. **Основной характерной чертой языков этой макросемьи является наличие именных классов**” [6].

Но в посвященной языковой семье манде специальной монографии читаем: “**Мнение об отсутствии в языках манде не только именных классов, но даже их следов является общепринятым**” [7, с. 70]. С другой стороны, именные классы присущи семье дравидийских языков, безусловно относимых к ностратической макросемье всеми сторонниками ностратической теории. Так что наличие либо отсутствие именных классов **в принципе** не может служить основанием для отнесения языковой семьи к той или иной макросемье. Манде – генетически целостная группа языков, и можно попытаться доказать их ностратическое происхождение именно как **семьи** языков.

Но для этого сначала следует найти убедительный для широкого круга специалистов ответ на другой вопрос:

2. Какие языки следует считать ностратическими?

“Ностратическая теория представляет собой строгое сравнительно-историческое доказательство родства индоевропейских, афразийских, картвельских, дравидийских, уральских и алтайских языков. Основоположником ностратической теории можно по праву считать Владислава Марковича Иллич-Свитыча (1934-1966). Сам термин “ностратические языки” (от латинского *noster, nostra* - наш) был впервые предложен Х. Педерсеном в 1903 г. В. М. Иллич-Свитыч разработал систему фонетических соответствий между ностратическими языками, восстановил звуковую систему праязыка и составил этимологический словарь с реконструкциями (около 600 этимологий, куда вошли и сопоставления, проделанные его предшественниками). (...) Такое положение, когда **работа основывалась на иерархии гипотетических построений и контроверз с близкой степенью вероятности**, требовало от исследователя богатой научной интуиции компаративиста» [8].

Главная беда в том, что продолжатели дела М. В. Иллича-Свитыча продолжили его в слишком разных направлениях, так что **целостность ностратической концепции сегодня можно поставить под сомнение**. На сегодня помимо реконструкции В. М. Иллича-Свитыча [9] имеются минимум **три разных** современных варианта реконструкции пра-ностратического языка. Это реконструкция, размещенная на сайте «starling» под руководством С. А. Старостина [10] (именно ее материалы мы использовали для сравнения с различными языками, включая африканские), реконструкция, выполненная израильским ученым А. Б. Долгопольским [11] и реконструкция, предложенная американским исследователем А. Бомхардом [12].

Причем это **очень разные** варианты. Так, о варианте реконструкции А. Бомхарда в российской Википедии сказано: «Данная реконструкция является выдающимся достижением современной лингвистики, хотя и спорна на всех уровнях (фонологическом, лексическом и семантическом), на которых обнаруживает расхождения как с реконструкцией В. М. Иллич-Свитыча, так и других авторов (так, из 378 слов, приведённых Иллич-Свитычем, у Бомхарда встречается лишь 117)» [13]. Сам А. Бомхард среди предложенных Долгопольским ностратических этимологий также принимает менее чем треть [14]. Зато оба эти исследователя решительно не согласны с точкой зрения С. Старостина и ряда других ученых, которые начали отрицать принадлежность афразийских (семито-хамитских) языков к ностратическим. Но при этом А. Б. Долгопольский и К. Ренфью рассматривают ностратическую макросемью ровно в составе тех шести языковых семей, как это предложил В. М. Иллич-Свитыч (относ юкагирский язык к уральской семье) [15], а А. Бомхард и С. А. Старостин прибавляют к ним еще и эскимосско-алеутские и чукотско-камчатские языки.

Но что самое интересное: на сайте Nostratica, единственном специально посвященном ностратической проблематике и руководимом представителями Московской компаративистской школы, все эти

противоречивые тексты и противоположные точки зрения считаются в равной мере правильными и размещены совершенно равноправно [16]. Вопрос: **А существует ли вообще в современной компаративистике единая ностратическая концепция?** - Ведь если у разных авторов не совпадает некая часть, а *большинство* лексических реконструкций, то это значит, что они по-разному понимают не только лексику, но и фонетику ностратического пра-языка, т. е. что никаких *общепринятых* фонетических соответствий между пра-языками различных ностратических языковых семей НЕ существует. Тем более если по-разному понимается даже состав ностратической пра-семьи.

Если бы у разных авторов, развивающих ностратическую концепцию, не осталось в их реконструкциях вообще **ничего** общего, то в таком случае ни о какой ностратической концепции вообще не шла бы речь. Тогда бы можно было бы говорить ТОЛЬКО о «ностратической теории по версии Старостина», «ностратической теории по версии Бомхарда» и т. д., подобно тому как существуют чемпионы мира по боксу по версии разных боксерских ассоциаций. Но в данном случае ситуация до такого еще не дошла. Очевидно, что представители всех версий ностратической теории признают авторитет В. М. Иллича-Свитыча, да и друг друга. В таком случае, **если нас интересует современная ностратическая концепция в целом, а не по версии того или иного исследователя, то мы должны выделить тот объем знаний, относительно которого согласны ВСЕ сторонники ностратической концепции.**

Итак, мы будем считать ностратическими **только** те слова, которые в одинаковой или близкой форме реконструируют ВСЕ сторонники ностратической теории – только то, что составляет ее **словарный тезаурус**. Под «всеми» исследователями мы имеем в виду сравнение между собой реконструкций В. М. Иллича-Свитыча, С. А. Старостина и сайта «Вавилонская башня», А. Б. Долгопольского и А. Бомхарда. А. Бомхард облегчил нашу задачу, перечислив все реконструкции А. Б. Долгопольского, с которыми он согласен [14]. Чтобы сократить объем необходимой работы, мы ограничились лишь самой устойчивой лексикой согласно 100-словному списку Сводеша.

В результате из 100 семантических значений списка Сводеша нами были выявлены 51 понятие и 64 слова как реконструкции, признаваемые **всеми** исследователями, признающими ностратическую концепцию. Это больше половины всего списка Сводеша. Это значит, что некий **общепризнанный тезаурус реконструкций и фонетических соответствий в ностратике все же существует**. И для убедительности результата имеет смысл сравнивать языки манде **только** с данным тезаурусом.

3. Сходство языков манде с ностратической реконструкцией

Если сходство базовой лексики языков манде с реконструкцией ностратических слов из общепризнанного ностратического тезауруса будет аналогично подобному сходству других ностратических языков, то это будет очевидным доказательством ностратической принадлежности этой языковой семьи. Для подобного сравнения очень полезен приведенный В. Ф. Выдриным полный 100-словный список всех языков манде [17, p. 124 - 142]. Согласно ему определяем очевидные совпадения:

1) kojHa / koja **'bark** (of a tree)': *Dan-G* kææ *Dan-B* kia *Dan-K* kɔ *Kpeen* gɔɔ-káà *Kpan* gɔɔ-kaa *Dzuun* gɔ'ɔ káá *Duun* ka'a *Banka* ka'a *Lebir* kyi *San* ki

2) wol(a) **'big'**: *Kpelle-L* wūlēŋ *Bandi* wála-wala *Dan-B* va *Jeri* bála(n) *Looma* bala *Wan* bálè *Kpeen* brá *Bozo-J* buro *Seenku* bəɾē *Kpan* bla *Dzuun* blá *Mau* bèlèbélé *Jula-K* bèlèbéle *Lele* bèlebele *Kakabe* bèlebele *Soso* bèlèbélé *Dafing* bó *Bamana* bèlèbéle, bō *Maninka* bèlèbéle, bō *Xasonka* bèlebele-ba *Koranko* bèlebele, bō *Lebir* búrgú

3) KurA **'blood'**: *Soninke* fàré *Bokobaru* yàrú *Busa* yàrú *Dafing* yúú *Jula-K* jòri

4) Kajla / ʃ[a]IV **'burn'**: *Bozo-T* kele *Looma* gála *Mano* géle *Kpelle-G* kéleŋ *Kpelle-L* kéreŋ *Gban* k□ *Dan-G* gɔ *Dan-K* gɔ *Shanga* le k□ *Wan* ligi

5) paIV **'burn'**: *Yaure* tɛ-ɓɪɪ *Jo* bilitúru *Bozo-J* boi *Bozo-K* bu *Tura* pàì-da

6) bilw / biLuʔê **'cloud'**: *Kyenga* búlu *Soninke* tebulle *Bamana* birinka *Maninka* birika *Jogo* birigá(n) *San* la-bara

7) küL **'cloud'**: *Mende* kɔɛ *Loko* kɔɔɛ *Bandi* kɔɛ *Looma* kɔɛ *Kpelle-L* kɔɛ *Kpelle-G* kwɛɛɛ *Busa* luku

8) diqΛ / dEqV **'earth'**: *Jula-K* dùgú *Bamana* dùgú *Xasonka* dùgu *Kakabe* dùgu *Jogo* dògò *Jeri* dùgú *Numu* dògò *Maninka* dùu *Dafing* dú *Mandinka* dùu *Kono* dùu *Koranko* dùgu, dùu *Lele* dùu-kólo *Mogofin* dùgu-kólo *Vai* d'ù-mà

9) temV / tVngV **'full'**: *Kpan* tɛɛ-ma *Duun* teo-ma *Banka* tɛ-ma *Jo* fǎá-màà *Seenku* fəgà *Bozo-K* fagi *Soninke* fágá *Numu* fɛŋ / fɛnè *Loko* fɛ(ŋ)

10) be/rH/u **'give'**: *Mwan* pɛ *Bobo* pɛrē *Jo* wɔr

11) kap(Λ / gabV **'head'**: *Mwan* gbìò *Dan-G* gɔ *Dan-B* gɔ *Dan-K* gɔ *Dafing* kú *Bamana* kù *Maninka* kù *Koranko* kʉ *Lele* kʉ *Mogofin* kʉ *Kono* kʉ *Gban* bō

12) mi **'I'**: *Gban* mi *Mwan* mi *Wan* mi-nà *Dan-G* ma *Dan-B* ma *Dan-K* ma *Tura* ma *Mano* ma *Guro* ma *Yaure* ma *Beng* ma *Kpeen* ma *Kpan* mʉ *Dzuun* mun *Duun* ma *Banka* mu *Jo* ma *Bobo* ma, mɛ *Bokobaru* ma *Boko* ma *Busa* ma *Lebir* ma *San* ma *Kyenga* ma *Shanga* ma

13) LAgA **'lie** (as in a bed)': *Mau* lá *Jula-K* lá *Dafing* là *Maninka* lá *Xasonka* lá *Mandinka* láa *Kakabe* láa *Kpelle-L* láa *Kpelle-G* laa

14) mā **'not'**: *Dzuun* ma *Banka* ma *Bobo* má *Soninke* má *Mau* ma *Jula-K* má *Dafing* mà *Bamana* má *Maninka* má *Koranko* má *Lele* má *Mogofin* má *Kakabe* má *Kono* má *Vai* má *Xasonka* mée *Mandinka* máŋ *Soso* mú *Jalonke* mún

15) gU(Λ / kolyV **'round'**: *Dan-B* klɔɔklɔ *Dan-K* gluugluu *Mano* kɛɛkɛɛ *Guro* kɛlèè *Jogo* kúlúkúlu *Yaure* kúlú-gúlú *Mende* kɛɛkɛɛ *Bandi* kɛɛɛɛ *Looma* kɛɛɛɛ(g) *Kpelle-L* kɛɛkɛɛ *Kpelle-G* kiliyiliŋ *Wan* glúu

Beng klili Dzuun kòròrò Bozo-K kori Banka xworo-ma Jo kùùl màà Bozo-T koorina Bamana kùlukùtù Mogofin girindén Jeri kòròrò Numu kùrùkùrúá

16) jAnΛ / [s^]aNa 'say': *Banka je Mende ye Kpelle-L yeε Bozo-J se Bozo-K ši Bozo-T se Kpan žee-ma Duun že*

17) per/e/ 'skin': *Busa bárá Kpeen fεrún Jo pòli Mogofin bole Jogo kpòrò Jeri kpùru Numu kpòr*

18) kiwi 'stone': *Dan-G gwΛ Tura gwεε ban gwà Duun kwa¹-ni Mau káwa Dafing kábà Bamana kába Maninka kába Looma kwotu Kpelle-G kwεni Bokobaru gbε Boko gbε Busa gbε Shanga gwεε*

19) mu 'that': *Vai mε Numu má Mwan nū Banka n^u-kεε*

20) ?i / [ʔ]dó / ?a / ?e / ?u 'that': *Jo kàà Bozo-J kwo Bozo-T ku Soninke kén Vai kε Bokobaru kεka*

21) ?e / h[e] 'this': *Mano e kέα Guro ku Mwan gε Wan kε Jo kàà Bozo-T ku*

Soninke kée Koranko kε Lele kε Mogofin kε Kakabe ké Vai kε

22) mu 'this': *Duun n^u Mau miij Jula-K min Maninka m^ε Dafing mi Jeri mε Numu má Bamana ni Mandinka ni*

23) mã / mi / mi?a 'we': *Kpeen mò Bobo mε Koranko mà Lele mà Mogofin mεε Kakabe má Kono mε Vai mú Mende mú Loko mú Bandi mú Soso mùxú Dzuun mùn*

24) nΛ 'we': *Kpan je Dzuun je Duun niε Banka je Maninka n Xasonka n Mandinka n Lele n Jalonke on Beng aη Mau aη Bozo-K ngi*

25) mi 'what': *Jeri mi Vai mé Mwan mε Wan m^ε Dan-G mεε Tura mεε Guro mεε Dan-B mΛ Dan-K mΛ Dafing mú Bamana m^u Maninka m^u Jogo mú*

26) Kε 'who': *Bobo kε Bozo-T gwa Soninke kóo*

Кроме того, можно выделить еще несколько весьма вероятных совпадений:

1) didΛ 'big': *San dadara Yaure dà*

2) KaSΛ / kač'V / k[o]čV 'bone': *Dan-G ga Dan-B ga Dan-K ga Kpan xO Dzuun xO Seenku kO Mau kóō Kono kúu Vai kúu Loko káε Looma kai(g) Kpelle-L káo Kpelle-G kOw*

3) duli 'fire': *Jo túu Bozo-T tuu*

4) toHo 'give': *Bozo-J do Mau di Jula-K di Dafing di Bamana di Maninka dii Xasonka di Mandinka dii Koranko di Lele di Mogofin di Kakabe di*

5) šüwA 'good': *Dan-G sΛ Dan-B sΛ Mano se Guro zimá Kpan zii Dzuun dzi Seenku s^ugO Jo šOOrin Lebir wuSt*

6) kErdΛ 'heart (organ)': *Gban klO San koron*

7) qola 'kill': *Jo kil^ε, klà Soninke kári*

8) Herä 'man (adult male)': *Wan kO-lé Kpelle-G hilè-nú Maninka kε Xasonka xè Mandinka kée Koranko kè*

9) Homsa / [ʔ]omśa 'meat': *Mende huáj Loko hoa Kpelle-G hyuo Kpelle-L sūā*

10) gAmΛ / ?amV 'night': *Lebir gùnù Kyenga gáOn Bokobaru gwá Boko gwá Busa gwá Dan-G gbēη Dan-B gbēη Dan-K gbēη Tura gbε Yaure pè -màn*

11) kã/H/Λ 'walk': *Seenku ká Kpelle-G hie*

12) kuni 'woman': *Soso gine Jalonke gine*

Итого из 64 реконструированных слов ностратического тезауруса в языках манде очевидно представлено 26 семантически тождественных слов с очень близкой фонетической формой и еще 12 слов представлено с преобладающей вероятностью. Итого **38 слов**.

Для сравнения: в ностратическом тезаурусе представлены реконструированные слова из шести языковых семей. При этом среди этих слов В. М. Иллич-Свитыч ссылается на слова из языков: индоевропейских – 44 раза, семито-хамитских – 42 раза, уральских – 38 раз, алтайских – 38 раз, дравидских – 36 раз, картвельских – 34 раза.

Как видим, **общее число совпадений языков разных ностратических семей с ностратическим тезаурусом точно соответствует аналогичному числу совпадений в языках манде**. Это может служить достаточным доказательством принадлежности языковой семьи манде к ностратической макросемье.

При этом следует иметь в виду, что нами применялся более жесткий критерий отбора соответствий, чем самим В. М. Илличем-Свитычем. Здесь слова должны были быть не только фонетически близкими, но и семантически **тождественными**. В словаре же В. М. Иллича-Свитыча были возможны более вольные сравнения. Например, № 7 в его словаре слово *bara* «большой, хороший» соответствует реконструированному уральскому слову со значением «хороший», дравидскому со значением «большой» и алтайскому со значением «много» [9, 1971, с. 175].

Разумеется, предложенная здесь гипотеза нуждается в тщательной всесторонней проверке. Необходимо таким же образом проверить и возможность ностратической принадлежности остальных «афро-ностратических» языков.

В заключение сошлемся на слова одного из крупнейших лингвистов-компаративистов современности, С. А. Старостина: «Можно показать, что лексико-статистический метод классификации языков применим как в случае ближнего, так и в случае дальнего родства. Поскольку результаты лексикостатистики, получаемые для всех известных случаев, в целом вполне хорошо коррелируют с результатами традиционной классификации, естественно предположить, что и для дальнего родства результаты также окажутся правдоподобными» [18].

Источники и литература:

1. Рассоха И. Н. Методика выявления древнейшего родства языков путем сравнения их базовой лексики с ностратической и сино-кавказской реконструкциями / И. Н. Рассоха // Исследования по ностратической проблеме / И. Н. Рассоха. – Харьков : ХНАМГ, 2010. – С. 81-399.
2. Блохин Л. Ф. Берег Слоновой Кости / Л. Ф. Блохин // Страны и народы : науч.-попул. географ.-этнограф. изд. : в 20-ти т. / под ред.: М. Б. Горнунга, Г. Б. Старушенко и др. – М. : Мысль, 1979. – С. 94-109.
3. Лот А. В поисках фресок Тассили / А. Лот; [пер. с франц.]. – М. : Изд-во восточной лит., 1962. – 140 с.
4. Гаплогруппа F (Y-ДНК) : [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа : [http://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_F_\(Y-ДНК\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Гаплогруппа_F_(Y-ДНК)).
5. Бурлак С. А. Сравнительно-историческое языкознание : учеб. для вузов / С. А. Бурлак, С. А. Старостин. – М. : Академия, 2005. – 432 с.
6. Niger-Congo languages. From Wikipedia, the free encyclopedia : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://en.wikipedia.org/wiki/Niger%20%80%93Congo_languages
7. Выдрин В. Ф. К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде / В. Ф. Выдрин // Труды ИЛИ РАН. – СПб., 2005. – Т. 2, ч. 1.
8. Дыбо В. А. Проблемы изучения дальнего родства языков / В. А. Дыбо, И. И. Пейрос // Вестник Российской Академии Наук. – М., 1985. – № 2. – С. 55-66.
9. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский) : сравнительный словарь / В. М. Иллич-Свитыч. – М. : Наука, 1971, 1976, 1984.
10. Nostratic etymology : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=\(data\nostr\nostret&first=1](http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=(data\nostr\nostret&first=1)
11. Dolgopolsky A. Nostratic Dictionary / A. Dolgopolsky. – Cambridge, UK : McDonald Institute for Archaeological Research, 2008. – Vol. 1. – 4. 3120 p.
12. Bomhard A. The Nostratic Macrofamily: A study in Distant Linguistic Relationship / A. Bomhard, J. Kerns. – Berlin, N. Y., 1994. – 932 p.
13. Ностратический словарь (Бомхард) : [Электронный ресурс] // Википедия – свободная энциклопедия. – Режим доступа : http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8
14. Bomhard A. A. Critical Review of Aharon Dolgopolsky's Nostratic Dictionary (2008) : [Электронный ресурс] / A. A. Bomhard. – Режим доступа : [http://www.nostratic.ru/books/\(286\)'s%20Nostratic%20Dictionary.pdf](http://www.nostratic.ru/books/(286)'s%20Nostratic%20Dictionary.pdf)
15. Renfrew C. Preface / C. Renfrew // Nostratic Dictionary / A. Dolgopolsky. – Cambridge, UK : McDonald Institute for Archaeological Research, 2008. – Vol. 1. – P. V-VIII.
16. Nostratica: Ресурсы по сравнительному языкознанию : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nostratic.ru/index.php?page=authors>.
17. Vydrin V. On the Problem of the Proto-Mande Homeland / V. Vydrin // Journal of Language Relationship: International Scientific Periodical. – 2009. – No 1. – P. 107-142.
18. Старостин С. А. Сравнительное языкознание и этимологические базы данных / С. А. Старостин // Труды по языкознанию / С. А. Старостин. – М., 2007. – С. 770-778.